

Л.С. Марсадолов

**МИФОЭПИЧЕСКИЕ И ЗОДИАКАЛЬНЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ СИБИРИ
В I-М ТЫС. ДО Н.Э.**

Зодиакальная подоснова ряда древних героических мифов

В работах многих ученых отмечено, что в основе ряда сцен героических мифов и эпосов лежат связанные между собой сюжеты, когда *положительный, любимый народом герой/богатырь* (один или с помощниками) *спасает окружающий мир* (правителя, народ, родных, любимых, животных) от противоположных/враждебных/темных сил, которые хотят разрушить равновесие мира или отдельного места.

Для того чтобы восстановить мировую или местную гармонию, герою/правителю/богатырю (одному или чаще с помощниками) постоянно приходится вступать в единоборство/борьбу/битву или участвовать в *мифогероическом поединке или охоте*, иногда в разные *сезонные периоды*.

В разных регионах и районах Евразии героические мифы и эпосы издавна функционировали во многих вариантах [Грязнов 1961 и др.].

Для примера еще раз проанализируем широко известный вариант подвига греческого героя Геракла, получившего задание от царя Эврисфея поймать живым эриманфского вепря (кабана). После встречи с кентаврами Геракл вскоре достиг горы Эриманфа... «Там в *густом лесу* он нашел *грозного кабана* и *выгнал его громким криком* из чащи. Долго преследовал кабана Геракл и, наконец, *загнал* его в *глубокий снег на вершине горы*. Кабан увяз в снегу, а Геракл, *бросившись* на его спину, *связал его цепями* и отнес живым в Микены. Когда *Эврисфей* увидел чудовищного кабана, то от страха *спрятался в большой медный пифос* (сосуд. — Л.М.)» [Кун 1954: 141–142; Грейвс 1992: 356–360; Завитухина 1999: 85].

В описании этого подвига Геракла можно выделить ряд последовательных более мелких эпизодов.

Задание Гераклу от царя — поймать живым грозного вепря/кабана.

*Этапы выполнения задания Гераклом/Героем: уход на поиск кабана — по дороге встреча и борьба с **Кентаврами** — преследование **Кабана** — **гора-снег** — поединок (бросился на кабана) — победа (связал цепями) — возвращение героя.*

Кульминация — герой выполнил задание — принес живого кабана царю — испуганный царь залез в большой сосуд.

Затем Геракл совершил новый подвиг — за один день водой из двух рек очистил конюшни царя Авгия (сына бога Гелиоса = Солнца), где длительное время содержались 350 быков + 12 серебристо-белых быков охраны, посвященных его отцу Гелиосу.

Неоднократно ученые отмечали связь подвигов Геракла с созвездиями на небе. Рассмотрим более подробно сакрально-календарную подоснову этих *двух подвигов Геракла*:

- герой должен поймать кабана;
- но по дороге встретился с кентавром (*созвездие Стрельца*);
- затем в густом лесу находит кабана (осень);
- преследует его по глубокому *снегу* (зима);
- побеждает на *горе* (*созвездие Козерога*);
- правитель прячется в сосуде (*Водолей*).

Вероятно, в основе первого подвига лежит **переход от осени к зиме**.

Во время второго подвига Геракл водой из *двух рек* (*созвездия Водолея + двух Рыб*) очистил скотный двор/конюшни сына бога Солнца, где содержались Быки (*созвездие Тельца*; число быков соответствовало числу дней из 12 лунных месяцев). В целом созвездия *Водолея — Рыб и Тельца* — соответствуют **переходу от зимы к весне**.

Подводя краткие итоги подвигам Геракла, следует отметить, что наряду с мифогероическими аспектами они в своей основе также имели и слитые в единое целое важные астрономические и календарные составляющие.

Пластины-застежки из Сибирской коллекции Петра I

Губернатор Сибирской губернии князь М.П. Гагарин 12.12.1716 г. отправил из Тобольска в Санкт-Петербург посылку с золотыми изделиями. К присланным из Сибири предметам было приложено

«Ведение золотым вещам, которые сего 1716 г. сысканы в земле древних поклаж. Какая которого нумера и какова весу и то писано ниже сего.

1 — Две штуки. На них под деревом человек держит две лошади. В обоих весу два фунта двадцать четыре золотника.

2 — Две штуки. На обоих ловцы стреляют кабана. Весу в обоих два фунта тридцать четыре золотника» [Завитухина 1977: 42].

Эти парные пластины-застежки с изображениями кочевников особо выделялись среди других изделий и позднее для краткости были названы «Всадники под деревом» и «Охота на кабана» (рис. 1–3).

Пластины поясные парные, зеркальные по сюжету, но индивидуально отлитые по восковым моделям, с отпечатками грубой ткани на обороте. Для крепления к поясному ремню пряжки имеют петли на оборотной стороне [Руденко 1962: 41, 192–193, табл. I, 5 и VII, 1, 7]. Размеры каждой из пластин с изображением сцены охоты: длина — 19,8 см, ширина — 10,2 см, вес — ок. 485 гр (украшены вставками из цветного стекла — рис. 1: 1), а пластины со «всадниками под деревом» имеют длину 15,2 см, ширину — 12,1 см, вес — 464 гр. Обращает на себя внимание близкий вес каждой из пластин — ок. 460–485 грамм, а их общий вес составляет почти 1,9 кг золота высшей пробы, самого сакрального металла в древности.

Многие ученые неоднократно уделяли большое внимание изучению, датированию и семантике изображений на золотых предметах из Сибирской коллекции (Н.К. Витзен, В.В. Радлов, А.А. Спицын, И.И. Толстой, Н.П. Кондаков, Е. Миннз, А. Сальмони, М.И. Ростовцев, Г.Е. Боровка, М.П. Грязнов, С.В. Киселев, С.И. Руденко, М.И. Артамонов, М.П. Завитухина, В.Г. Луконин, Б.И. Маршак, Д.А. Мачинский, Э. Банкер, Е.Ф. Королькова и др.). Разными авторами были высказаны различные точки зрения и по поводу семантики этих ажурных пластин. Рассмотрим семантические проблемы более подробно.

Рис. 1. Прорисовки изображений на поясных пластинах с сюжетом охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра I: 1 — общий вид одной из пластин; 2–11 — отдельные образы на двух пряжках: 2, 5 — всадник на коне; 3, 6 — охотник на ветке дерева; 4, 7 — конь; 8, 10 — кабан; 9, 11 — козел (8 и 11 — зрелые, а 9 и 10 — молодые особи).

По материалам публикаций и рисункам М.П. Завитухиной (2–11), М.П. Грязнова (9, 11) и Л.С. Марсадолова (1)

Пластины со сценой «Охота на кабана»

В центре пластин изображен всадник с натянутым луком со стрелой, преследующий на коне убегающего кабана (рис. 1). Одежда всадника, браслеты на руках, меч на поясе, богато украшенный убор коня свидетельствуют о знатности этого охотника. Второй охотник, более скромно одетый, прячется в ветвях дерева. Одной рукой, с надетым на нее луком, он держится за ветку, а другой — удерживает за повод вздыбившегося коня. На заднем плане, на скальном выступе, под деревом стоит горный козел с повернутой назад головой, смотрящий на всадника [Завитухина 1999: 82–90].

Стилистические особенности, детали разных образов и предметов вооружения на этих пластинах имеют аналогии на предметах ахеменидской эпохи (рис. 2: 1, 3–4) и предшествуют изображениям хунно-сарматского времени, поэтому данные поясные пряжки можно датировать IV–III вв. до н.э. [Артамонов 1973: 146; Завитухина 1999: 82–90; Рец 2004: 325–332].

Предшествующие интерпретации изображений на пластинах. За более чем столетний период изучения предметов из Сибирской коллекции сложились два основных уровня объяснения сцены изображения охоты на кабана на парных золотых поясных пластинах:

- 1) социально-хозяйственный;
- 2) мифопоэтико-героический.

Социально-хозяйственный уровень объяснения. На рубеже XIX–XX вв. ряд ученых (*И.И. Толстой, Н.С. Кондаков*), а позднее *С.И. Руденко* и другие археологи для объяснения сюжета изображений охоты на кабана на золотых пластинах сопоставили их с описанием охоты у иирков (Геродот IV, 22): «Охотники подстерегают добычу на деревьях (ведь по всей их стране густые леса). У каждого охотника наготове конь, приученный лежать на брюхе, чтобы меньше бросаться в глаза, и собака. Заметив зверя, охотник с дерева стреляет из лука, а затем вскакивает на коня и бросается в погоню, собака же бежит за ним» [Толстой, Кондаков 1890: 60–63; Руденко 1960: 192–194].

Следует отметить, что у Геродота нет прямых указаний, что иирки охотятся именно на кабана, а ведь с дерева они могли охотиться и на других лесных животных.

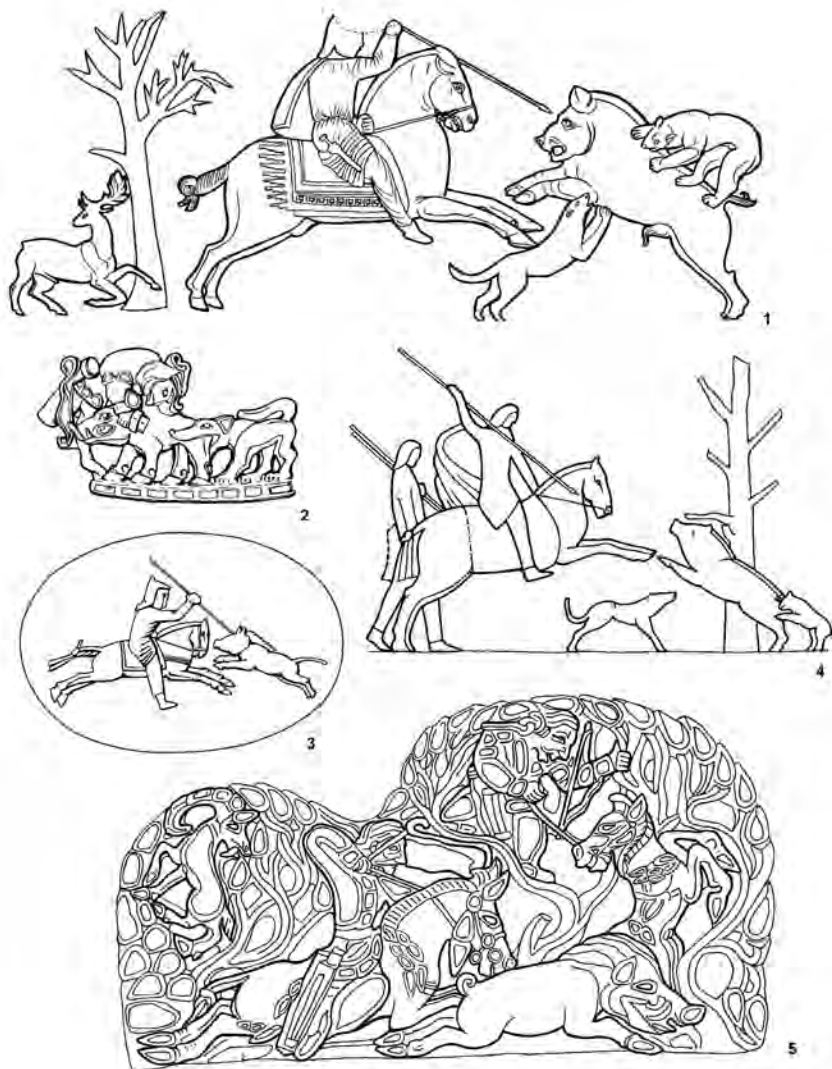

Рис. 2. Разные способы охоты на кабана на изображениях второй половины I тыс. до н.э.: 1, 3–4 — с помощью копья; 2 — с кинжалом; 5 — с луком. Памятники: 1 — мраморный саркофаг из Чанакале в Турции; 2 — золотая ворворка из Тувы; 3 — ахеменидская печать; 4 — рельеф из Ионии; 5 — золотая пластина из Сибирской коллекции

Другие исследователи обратили внимание на то, что в изображениях на пластинах гораздо больше несоответствий описанию охоты у Геродота:

- охотник стреляет с коня, а не с дерева;
- второй конь не лежит на брюхе;
- на пластине нет собаки, а изображен горный козел.

Мифологическо-героический уровень объяснения. С начала 1960-х годов рядом ученых вновь были детально проанализированы образы на пластинах и предприняты новые попытки объяснения сюжета охоты на кабана.

М.П. Грязнов отметил: «Конкретный смысл изображенной сцены не может быть пока определен, но мифологический или, правильнее, эпический характер ее несомненен. Здесь <...> по-видимому, изображение *двух эпизодов в эпопее одного и того же героя* <...> В одном случае, вероятно первом, герой спасается на дереве от какой-то грозящей ему опасности, а затем преследует кабана» [Грязнов 1961: 22–23].

Б.И. Маршак полагал, что на кабана охотились два человека, *один из них был героем, а второй — трусом*. В иранском эпосе известны их имена: это бесстрашный герой Бижан, охотившийся на чудовищных кабанов, и его спутник Гургин, который «испугался и убежал» [Маршак 1992: 208–211].

М.П. Завитухина уточнила: «Охоту на кабана вели два человека. Прячущийся охотник участвовал в поисках и гоне зверя, он отвлек разъяренного кабана на себя и вовремя успел спрыгнуть с коня и забраться на дерево. Его вздыбленный конь задержал бег кабана, что дало возможность всаднику-герою вплотную приблизиться к опасному зверю. Всадник завершил заключительный момент охоты — он убил кабана, и ему достались лавры героя. *Охотника, спрятавшегося на дереве от грозящей ему опасности, нельзя называть “трусом”*, несмотря на существование в эпических повествованиях героев и антигероев» [Завитухина 1999: 86].

М.П. Завитухина считала, что изображение сцены охоты на пластине из Сибирской коллекции Петра I может быть сопоставимо с охотой на кабана в подвиге греческого героя Геракла [Там же: 85]. Напомним также, что согласно повествованию Геродота, Геракл считался одним из первопредков скифов.

Прототипы *мифогероической* охоты сложились в древности из реальной деятельности охотников, начавшейся еще в эпоху палеолита/мезолита. Охота на кабана достаточно опасна, так как часто зверь, особенно раненый, бесстрашно бросается на охотника. Длина тела взрослого кабана может достигать 1,8 м, а вес доходить до 150–200 кг. Зрение у кабана развито слабо, зато он обладает хорошим обонянием и слухом, поэтому охотник должен подходить к нему против ветра, чтобы не выдать себя запахом и шумом. Опасна и азартна как для охотника, так и для его собак конная или пешая охота на кабана.

Л.Б. Ермолов отметил, что охота на кабана с помощью лука практически невозможна из-за наличия у кабана на груди, шее и боках защитного кожно-жирового образования толщиной в 4 см, которое не пробить стрелой. Это не промысловая, а *героическая охота* [Ермолов 1979: 6].

Следует заметить, что у скифов и саков в V–III вв. до н.э. были в основном луки и стрелы небольших размеров. В это время еще не было бронебойных стрел и мощных луков больших размеров, в основном появившихся в хунно-сарматское время.

Прототипы для иконографии сюжета охоты героя на разных животных, в том числе на кабана и оленя, можно найти в Передней Азии начиная с эпохи бронзы, а также на золотом перстне ахеменидского времени и стенке мраморного саркофага из Чанаккале в Турции (рис. 2). Положение головы, орнамент на седле и оформление хвоста коня, изображенного на саркофаге из Чанаккале (рис. 2: 1), близки к образам коней на ворсовом ковре из кургана Пазырык-5 на Алтае [Руденко 1953: 354, рис. 196], датированных концом V — первой половиной IV в. до н.э. Поза коня в стремительном «беге-прыжке-полете» на ахеменидских предметах частично может служить прототипом для композиции на золотых пластинах со сценой охоты из Сибирской коллекции (рис. 2).

Несмотря на все трудности, в VIII–VI вв. до н.э. на кабана охотились довольно много и интенсивно. Об этом свидетельствует наличие нескольких десятков клыков кабана в больших курганах вождей Аржан-1 в Туве [Грязнов 1980: 24, 41] и Башадар-2 на Алтае [Руденко 1960: табл. XLIX, 5–8]. Даже в малом кургане Башадар-10 конь был украшен более чем 60-ю клыками кабанов [Марсадалов 1997:

8, 37, рис. 12:1]. Как известно, каждый кабан имеет только два клыка, поэтому для украшения узды, нагрудника и седла одного коня из кургана № 10 в Башадаре было забито более 30 взрослых кабанов. Такая интенсивная охота на Саяно-Алтае в VIII–VI вв. до н.э. могла привести к резкому сокращению поголовья кабанов к V–IV вв. до н.э., и реальные клыки кабана стали заменять их имитациями из дерева (Пазырык-1, Юстыд, Уландрык, Укок и др.) [Черемисин 2008: табл. 1].

Даже современные охотники, вооруженные огнестрельным оружием, выбирают у кабана наиболее уязвимые и незащищенные места, прежде всего подслеповатые глаза, область «за ухом» (по линии «ухо–глаз»), позвоночник (только виртуозы), а также область сердца (за лопаткой). Последний прием героической охоты *с помощью кинжала* показан на золотой ворворке из Тувы (рис. 2: 2) [Грач 1980: 81, рис. 117]. Вероятно, из лука или копьем/дротиком с близкого расстояния поразить кабана в глаз вполне реально, что и показано в ряде охотничьих сцен на изображениях второй половины I тыс. до н.э. (рис. 2: 1, 3–5).

На золотых пластинах из Сибирской коллекции всадник с натянутым луком показан догоняющим кабана, стремительно скачущим сбоку от него. Готовая к вылету стрела охотника направлена по линии «ухо–глаз», наиболее уязвимого места при охоте *с луком* (рис. 2: 5).

Новый сакрально-календарный уровень объяснения. Изображения главных героев и второстепенных персонажей в мифопоэтических сценах с календарной подосновой, известные по археологическим материалам I тыс. до н.э., были выполнены в разных стилях и технике на функционально разнородных предметах (в основном на поясных пряжках и сосудах). Мифопоэтическую и зодиакальную подоснову образов на сакральных предметах можно выявить из общих евразийских архетипов и универсалий.

На парных золотых пластинах с изображением сцены охоты на кабана отражены близкие к «циклу о Геракле» сакрально-календарные и мифогероические идеи (рис. 1: 1).

Всадник (*созвездие Стрельца*) преследует кабана (*символ Осени*). Позади стрельца на горном выступе стоит козел (*символ зимы*). Тулово козла S-образно изогнуто, что обозначает знак поворота,

грядущего изменения (рис. 1: 9, 11). Голова этого козла повернута назад, а одна из его передних ног изящно поставлена под прямым углом, так же как и на календарном серебряном зеркале с обкладками из электра в Келермесском кургане [Марсадалов 2015]. Конь, находящийся с противоположной стороны, также изображен с «S»-видным туловом (рис. 1: 4, 7) и символизирует *небесное созвездие Коня или Пегаса*, находящееся рядом с созвездием *Козерога*, *переходный период от Зимы к Весне*.

Следует отметить: несмотря на то что пластины парные, они различаются в деталях. На одной из пластин изображен взрослый кабан крупных размеров, а на другой — молодая особь [Завитухина 1990: 21–25], а на их загравках соответственно показано 14 и 5 прядей волос (рис. 1: 8, 10) [Завитухина 1999: 82]. Рог козла на одной пластине украшен четырьмя, а на другой — шестью гнездами для цветных вставок (годовых колец на рогах), что, вероятно, также отражает возраст животных (рис. 1: 9, 11).

Не исключено, что два охотника на парных пластинах, которые прячутся на ветвях деревьев с распущенными листьями, вместе символизируют весеннее *созвездие Близнецов* — один из символов весны, расцвета природы. Каждый из стоящих на толстой ветке дерева охотников (*близнец*) пытается удержать за повод стремящегося на дерево коня с S-образным туловом (переходное от зимы к весне созвездие).

Изображения на двух парных пластинах вместе образуют замкнутый природно-сакральный «мировой круговорот» — от молодости к старости, через смерть к новому возрождению, что характерно для календарных идей. Особенно хорошо это заметно, если две золотые пластины сложить вместе, тогда они образуют переходящие друг в друга два (большой и малый) сакральных круга. В большой круг входят *созвездия Кабана (осень) — Стрельца (большая часть) — Коня (переход от зимы к весне) — Близнецов (весна)*, а в малый — в основном *Козел = Козерог (зима) и частично Стрелец*. Знатный земной герой/охотник/всадник = небесный Стрелец стремительно пытается внести порядок в этот быстро меняющийся мир. Интересно отметить, что на одной из пластин изображены взрослый кабан и молодой козел, а на другой, наоборот, — молодой кабан и зрелый козел (рис. 1: 8–11). Не исключено, что на пластинах представлен

Рис. 3. Прорисовки изображений на поясных пластинах с сюжетом «Всадники под деревом» из Сибирской коллекции Петра I: 1 — общий вид одной из пластин; 2–7 — отдельные образы на двух пряжках: 2 — образ женщины/богини; 3 — головной убор женщины из кургана Пазырык-5; 4–5 — мужчина, сидящий под деревом (разные образы на двух пластинах); 6–7 — лежащий мужчина (зеркальные образы на двух пластинах); 8 — изображения на обкладках разных секторов зеркала из Келермеса и их привязка к астрономическим направлениям (на этом рисунке ориентация секторов сдвинута). По материалам публикации М.П. Грязнова (2–7) и прорисовкам Л.С. Марсадолова (1, 8)

полугодовой временной период от осеннего до весеннего равноденствия, переданный через сакральные образы Кабана (осеннее равноденствие) — Стрельца — Козерога (зимнее солнцестояние, начало подъема солнца вверх) — Коня (начало перехода от зимы к весне) — через Ближнецов — начало перехода от весны к лету и далее на новый полукруг.

В результате предпринятой попытки выявить новую комплексную сакрально-календарную семантику изображений на этих золотых пластинах удалось объяснить ряд ранее малопонятных деталей, например значение образов горного козла, «вздыбленного» коня и др.

Это не полный «звериный» календарь, а частичный, ибо на парных пластинах даны только три основных календарных животных — Кабан (переход к осени), Козел (переход к зиме) и Конь (переход от зимы к весне). Охотник = воин = герой = небесный всадник смело участвует в мифогероической охоте для поддержания земной и небесной гармонии.

Пластины с изображением «Всадники под деревом»

На парных золотых поясных застегках в центре показано дерево, под которым находятся двое мужчин и одна женщина. Один мужчина сидит и держит за поводья двух оседланных коней, второй — лежит, а его голова покоится на коленях женщины (рис. 3: 1).

На основе изучения алтайского эпоса М.П. Грязнов предположил, что изображения на этих пластинах являются «почти точной иллюстрацией» к эпическому сюжету, в котором «**богатырь** Козын-Эркеш был коварно убит врагами под **тополем и изрезан на мелкие части**. Однако его **молодой жене** и **другу** удалось вернуть ему жизнь <...> Две мужские фигуры, неразличимые ни по возрасту, ни по физическому сложению, ни по одежде и наряду, — это могут быть два побратавшихся богатыря. В современных поэмах богатыри — “братья” — совершенно одинаковы по своему положению в обществе и по всем своим основным качествам» [Грязнов 1961: 22–27] (рис. 3: 4–7).

Д.А. Мачинский считал, что изображения на пластинах по семантике близки к образам на пекторали из Толстой Могилы и могут быть объяснены, исходя из рассказа Геродота об энареях, тем, что от многолетнего пребывания в седле к старости кочевники теря-

ют мужскую силу и им приходится обращаться к небесной богине за помощью.

Представляется необходимым еще раз вернуться к антропоморфным образам на пластинах «всадники под деревом». Прежде всего следует отметить общие черты в изображениях *двух мужчин с усами — они равноправные* (судя по одинаковой одежде и убранству их коней) и, как отмечают многие ученые, *по облику очень близки = близнецы*.

Двое мужчин в зрелом возрасте просят помощи у одной женщины-богини. На голову богини надет головной убор в виде низкой шапочки, с косами, поднятыми вверх и вплетенными в листву дерева. Как правильно отметил М.П. Грязнов, реальный близкий по форме головной убор был найден в кургане Пазырык-5 [Там же: 27, рис. 12].

По деталям седла, уздечки и женского головного убора, в основном близким к предметам из кургана Пазырык-5 на Алтае, эти золотые пластины также можно датировать второй половиной V — первой половиной IV в. до н.э. [Марсадолов 2000: 20–21].

На каждой из двух пластин хорошо видны следующие семантические оппозиционные связи (рис. 3: 1):

1 дерево с опущенной листвой;

1 сидящая женщина, связанная с деревом через косы и головной убор;

2 мужчин: 1 — сидит и держит в руках поводья коней, а **другой лежит** под деревом

(прислонившись головой к груди женщины);

2 коня (помощника) стоят перед деревом;

1 горит с луком, висит на дереве;

2 стрелы в горите.

Все образы свидетельствуют о мирном, печальном характере сюжета, что в основном характерно для осеннего настроения.

Вероятно, семантически близкие образы *двух мужчин, одной женщины-богини и дерева* также известны на зеркале из Келермесского кургана. Антропоморфные образы в Келермесе расположены по линии весеннего и осеннего равноденствия, а дерево между ними — в точке восхода солнца в день летнего солнцестояния (рис. 3: 8) [Марсадолов 2015: 198–211].

Весеннее созвездие Близнецов часто изображают в виде двух молодых мужчин. На сибирской пластине они показаны в виде двух зрелых мужчин с усами, потому что *Близнецы* «стареют» к *осени*, при приближении к осеннему созвездию *Девы*, которую также иногда называют *богиня-мать*. Для того чтобы вновь возродиться *весной*, постаревшие Близнецы вынуждены просить помощи у богини = *Девы* = *матери*. Зимнее созвездие *Конь (Пегаз)* также будет помогать новому возрождению *Близнецов*. Листья на дереве появляются весной и опадают осенью. Поэтому не случайно косы женщины (осеннего созвездия *Девы*) вплетены в ветки дерева с опущенной вниз листвой, а один из близнецов лежит около основания дерева, у его корней — символов будущей жизни и возрождения.

«Корни жизни и смерти» также были установлены в более раннем по времени Большом Салбыкском кургане в Хакасии (первая половина VII в. до н.э.) с надеждой на будущее возрождение погребенного там престарелого вождя-правителя [Марсадалов 2010: 24–25].

В целом на пластине изображен переходный момент, близкий к дню осеннего равноденствия, являющийся частью ритуального годового цикла. На одной линии показаны *женщина (Дева, переход от лета к осени)*, *дерево (лето)*, *двое мужчин (2 Близнеца, переход от весны к лету)* и *кони (переход от зимы к весне)*.

Как и образы со сценами охоты на кабана, изображения на двух парных зеркальных пластине «всадников под деревом» также образуют замкнутый природно-сакральный круговорот — через смерть к новому возрождению, новой жизни. Это лишь часть пути, связанного с небом–землей, жизнью–смертью–возрождением [Марсадалов 2012: 87–115].

Более полные календари I тыс. до н.э. представлены на зеркалах из Келермеса и Бухтармы, на которых в основе круговорота образительных образов лежала постоянно развиваемая и дополняемая общая евроазиатская сакральная космологическая пространственно-временная идея [Марсадалов 1982: 30–33; 2015: 198–211].

«В древних поэмах воспевались охотничьи подвиги героя и подвиги его в борьбе с мифологическими зооморфными чудовищами, и этому также уделялось, возможно, больше места, чем в современном эпосе. Сюжет смерти и оживления богатыря появляется также

в эпоху ранних кочевников. Побратимство богатырей и совместные подвиги двух богатырей-братьев были, по-видимому, характерны для их эпоса. Наконец, характерно, что как в современном эпосе, так и в эпосе ранних кочевников многие действия поэмы происходят у дерева или под деревом» [Грязнов 1961: 30].

В I тыс. до н.э. сложные сакральные-мировоззренческие идеи, отражающие сумму знаний древних ученых-жрецов об окружающем, постоянно изменяющемся мироздании [Марсадолов 2013], лишь частично, но высокохудожественно были отражены и на сакральных золотых предметах из Сибирской коллекции Петра I. Парные пластины с изображениями наряду с другими функциями (поясные застежки, украшение, знак социального отличия и т.д.) в своей основе содержали не только мифопоэтические, но и более глубинные сакральные-календарные идеи, служили своеобразными долговечными «книгами» для знатных, ученых и простых кочевников.

Библиография

- Артамонов М.И.* Сокровища саков. М., 1973.
- Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992.
- Грязнов М.П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Грязнов М.П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Ермолов Л.Б.* Охота на кабана в скифское время // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 64–65.
- Завитухина М.П.* Собрание М.П. Гагарина 1716 г. в Сибирской коллекции Петра I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1977. Вып. 18. С. 41–51.
- Завитухина М.П.* Золотая фигурка конного лучника V–IV вв. до н.э. — художественное произведение круга Сибирской коллекции Петра I // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1990. Вып. LIV. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kronk.spb.ru/library/sgе.htm-054>
- Завитухина М.П.* Изображение охоты на кабана на паре поясных пластин из Сибирской коллекции Петра I // Вопросы археологии и истории Южной Сибири: сб. к 75-летию А.П. Уманского. Барнаул, 1999. С. 82–89.

Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954.

Марсадолов Л.С. Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1982. Вып. XLVII. С. 30–33.

Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. СПб., 1997. Вып. 1.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000.

Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010.

Марсадолов Л.С. Жертвоприношения на сакральных путях-направлениях у древних кочевников Саяно-Алтая // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: сб. науч. тр. семинара «Теория и методология архаики». СПб., 2012. Вып. V. С. 87–115.

Марсадолов Л.С. Истоки сакрально-научных знаний у древних кочевников Центральной Азии // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сб. науч. тр. Омск, 2013. С. 303–312.

Марсадолов Л.С. Сакральная семантика келермесского зеркала VII в. до н.э. // Ювелирное искусство и материальная культура: сб. ст. СПб., 2015. С. 198.

Маршак Б.И. Воины в искусстве Согда и Центральной Азии // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 208–211.

Рец К.И. Поясные пластины со сценой охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра I: к вопросу о хронологической и культурной атрибуции // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. II. С. 325–332.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. Свод археологических источников (Д 3–9). М.; Л., 1962.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб., 1890.

Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск, 2008.